

«ПУТЬ, УКАЗАННЫЙ НАМ ХРИСТОМ, ЕСТЬ ПУТЬ ЛЮБВИ, А НЕ ЗЛОБЫ...»

(Письма афонского монаха об отлучении Л. Н. Толстого от Церкви)

Публикация А. К. Михайловой и Л. К. Хитрово

В воскресенье 25 февраля (10 марта по н. с.) 1901 г. во всех русских газетах появилось Определение Святейшего Синода о графе Льве Толстом от 20—22 февраля. В нем говорилось: «В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской <...> Все сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».¹ Большинство современников было уверено в том, что определение было составлено обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым и отредактировано митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским). Оно преследовало цель дискредитировать Толстого перед обществом и тем самым ослабить его влияние. Но следует отметить, что Ф. А. Степун в 1922 г. высказывал другую точку зрения на роль Победоносцева в отлучении Толстого от Церкви: Победоносцев «был противником этой меры, боясь, что она повысит нравственный авторитет Толстого, усилит отрицательное отношение общества к Синоду и затруднит Толстому возвращение в Церковь, если бы он к старости, перед смертью, почувствовал потребность в нем».²

О необходимости церковного отлучения писателя неоднократно говорил и писал настоятель Андреевского собора в Кронштадте протоиерей Иоанн Сергиев. Подлинными духовными учителями общества он признавал только священнослужителей. «Писатели мира сего, не сведущие нимало в вещах Божественных, — придите с доверием и научитесь у нас, духовных учителей: и мы научим вас», — призывал о. Иоанн

¹ Миссионерское обозрение. 1901. № 3. С. 296.

² *Степун Ф. А.* Религиозная трагедия Льва Толстого (1922) // Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 468.

Кронштадтский. В резком и эмоциональном тоне он говорил о Толстом: «О, Христе Боже! Доколе Лев Толстой будет ругаться над Тобою и Церковью Твоею? Доколе будет соблазнять Россию и Европу? Опять он пишет хулы на Церковь и служителей ее, опять клеветает на нас всему миру! Покажи, наконец, Владыко, всеми миру адскую злобу его! Буди! Им увлечено в прелесть и пагубу полсвета! — О, предтеча антихриста!»³

Первоначально Л. Н. Толстой отнесся к своему «странному отлучению от Церкви»⁴ внешне спокойно. Как рассказывала С. А. Толстая В. В. Розанову, он в тот день «выходил на свою обыкновенную прогулку, когда принесли с почты письма и газеты. Их клали на столик в прихожей. Толстой, разорвав бандероль, в первой же газете прочел о постановлении Синода, отлучавшем его от Церкви. Надел, прочитав, шапку — и пошел на прогулку. Впечатления никакого не было».⁵

Сама же Софья Андреевна, крайне встревоженная Определением Синода, обратилась с письмом к Победоносцеву и к митрополитам, подписавшим решение об отлучении. В своем письме, напечатанном 24 марта 1901 г. в прибавлении к № 17 неофициальной части «Церковных ведомостей», С. А. Толстая писала: «...Горестному негодованию моему нет пределов. И не с точки зрения того, что от этой бумаги погибнет духовно мой муж: это не дело людей, а дело Божье. Жизнь души человеческой с религиозной точки зрения никому, кроме Бога, не ведома и, к счастью, не подвластна. Но с точки зрения той Церкви, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, которая создана Христом для благословения именем Божиим всех значительнейших моментов человеческой жизни <...>, которая громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех — с этой точки зрения для меня непостижимо распоряжение Синода. Оно вызовет не сочувствие (разве только «Московских ведомостей»), а негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу».⁶

С. А. Толстая предугадала реакцию общества на Определение Синода. В поддержку Льва Николаевича со всех концов России и из-за рубежа в Ясную Поляну и в его московский дом в Хамовническом переулке в течение нескольких месяцев поступали многочисленные письма, телеграммы, адреса, приходили депутации с цветами и приветствиями. Писали рабочие, крестьяне, политические эмигранты, иностранцы, священники. 18 марта 1901 г. Толстой получил известие об избрании его почетным членом Гейдельбергского литературного общества (Heidelberg Literary Society, штат Огайо, США).

В Петербурге, по свидетельству современников, в защиту писателя проходили уличные демонстрации и акции протеста в залах Музея императора Александра III

³ Цит. по изд.: Из дневника о. Иоанна Кронштадтского: в обличение душепагубного еретичества Льва Толстого // Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995. С. 115, 116. О протоиерее И. И. Сергиеве см.: Чапцев А. В. Иоанн Кронштадтский // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 420; Бычков С. Русская Церковь и императорская власть (Очерки по истории Православной Российской Церкви 1900—1917 годов). М., 1998. Т. 1. С. 151—168 (глава «Святой Иоанн Кронштадтский и его социальная деятельность»); Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников / Сост., предисл. и коммент. С. Л. Фирсова. СПб.; М., 2003.

⁴ Запись в «Дневнике» от 19 марта 1901 г.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 54. С. 90.

⁵ Розанов В. В. Л. Н. Толстой и Русская Церковь // Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 423.

⁶ Цит. по изд.: Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 483.

(ныне Русский музей). Экспонировавшуюся там на 29-й выставке Товарищества передвижников новую картину И. Е. Репина «Толстой на молитве» посетители украшали цветами. А 25 марта 1901 г. один студент произнес речь в честь писателя, встреченную возгласами: «Ура Льву Николаевичу!» Присутствовавшие послали Толстому приветственную телеграмму. В результате картину с выставки сняли.⁷

Как пагубный для всех верующих шаг расценил решение Синода В. В. Розанов. Выступая в 1902 г. на третьем заседании Религиозно-философских собраний, посвященном теме «Лев Толстой и Русская Церковь», он сказал: «Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть огромное *религиозное* явление, может быть — величайший феномен религиозной русской истории за 19-й век, хотя и искаженный. Но дуб, криво выросший, есть дуб, и не его судить механически-формальному учреждению, которое никак не выросло, а сделано человеческими руками (Петр Великий с серией последующих распоряжений). Посему Синод явно не умеет подойти к данной теме, долго остерегался подойти; и сделал, может быть, роковой для русского религиозного сознания шаг — подойдя. Акт этот потряс веру русскую более, чем учение Толстого».⁸

«Роковое» решение пастырей Православной Церкви внесло разлад и в духовную жизнь монашеской братии. Из отдаленного от родины Афона в пределах тогдашней Турции (ныне Греция) схимонах Русского Пантелеимоновского монастыря Ксенофонт сообщал в одном из своих писем к родной сестре Варваре Александровне Голицыной, урожденной Вяземской: «Я имею точные сведения о всем, касающемся этого дела, ибо у нас многие получают непосредственные известия из Синода, всех этот вопрос страшно интересует, и везде монастыри делятся на два лагеря: на злобствующих и ненавидящих Толстого (коих большинство) и на соболезнующих и ужасающихся этой возникшей в России борьбе» (см. письмо 7).

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сохранилось 40 писем (архивный шифр писем — Р. I, оп. 4, № 180) схимонаха Ксенофонта за 1900—1901 гг. Они адресованы В. А. Голицыной, проживавшей в то время с семьей в Тамбове. В 1952 г. по инициативе Главного хранителя Рукописного отдела М. И. Маловой письма были переданы внучкой В. А. Голицыной Еленой Александровной Голицыной, в замужестве Логиновой, в Пушкинский Дом и до сих пор не публиковались. Вероятнее всего, интерес М. И. Маловой к этим материалам был вызван тем, что родной дядя Б. Л. Модзалевского — основателя Пушкинского Дома и известного пушкиниста — Александр Николаевич Модзалевский (1849 — после 1911) в 1886 г. постригся на Афоне с именем Анастасий.⁹

Письма о. Ксенофонта к сестре носят не только семейный характер, так как Варвару Александровну живо интересовали вопросы духовной и церковной жизни. Поэтому в них отразились особенности внутренней жизни, быта, умонастроения и взаимоотношений в Русском Пантелеимоновском монастыре на Афоне в начале 1900-х годов. Но, помимо этой несомненной историко-культурной ценности, они представляют интерес еще и потому, что в них афонский монах, споря с сестрой о религиозных взглядах Толстого и личности знаменитого о. Иоанна Кронштадтского, пыгается

⁷ Один из эскизов к картине И. Е. Репина «Толстой на молитве» находится в Литературном музее Пушкинского Дома и экспонируется в Толстовском зале.

⁸ *Розанов В. В.* Об отлучении гр. Л. Толстого от Церкви // Л. Н. Толстой: pro et contra... С. 423—424. Курсив В. В. Розанова.

⁹ См.: Письма А. Н. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 457—478.

заступиться за отлученного от Церкви Л. Н. Толстого и обращает внимание на многие допущенные в Определении Святейшего Синода несоответствия церковным канонам.

До принятия монашеского пострига князь Константин Александрович Вяземский (1852—1904) был известным путешественником, членом Русского географического общества, автором путевых записок «Путешествие вокруг Азии верхом».

Константин Александрович родился в Москве в состоятельной дворянской семье. После окончания Пажеского корпуса, самого аристократического учебно-воспитательного заведения России, молодой князь не стал заниматься военной карьерой. По собственному признанию, он был далек от того круга людей, «кто гонится за чинами, кто стремится к наживе». Его увлекали нравственно-философские проблемы, и, испытывая интерес к жизненному укладу, к обычаям и верованиям разных стран и народов, он первые 16 лет самостоятельной жизни проводит в странствиях по России и зарубежным странам. За эти годы он преодолевает 380 тысяч километров и совершает как длительные, так и небольшие путешествия. Передвигаясь верхом и на перекладных, он стремился изучить «земной шар в его разных частях со всеми особенностями» и прежде всего познать «истинную жизнь народов», не извращенную «наносной цивилизацией».¹⁰

Во время своего первого большого путешествия, которое длилось с 13 сентября 1885 по июнь 1884 г., К. А. Вяземский вместе с женой объехал Малую Азию, Сирию, Палестину, Синайскую пустыню, Египет, Судан, Месопотамию, Курдистан, Армению и Кавказ.

Во втором почти двухлетнем странствии по Азии он находился с июля 1891 по декабрь 1893 г. и преодолел 43 тысячи километров. За это время князь пересек Сибирь до Байкала, затем через Монголию верхом на лошади добрался до Пекина. В Китае его серьезно ранили местные фанатики. По Камбодже он передвигался на повозке, запряженной буйволами, по Индии на слоне, по Гималаям на яке. В Туркестане ему пришлось провести две недели в плену у разбойников, освободили его казаки. Через Персию Вяземский добрался до Кавказа и вернулся в Москву.

Творческим итогом шестнадцатилетних странствий князя стали уже упомянутые очерки «Путешествие вокруг Азии верхом», которые публиковались в 1894 г. в московском журнале «Русское обозрение» и в парижской газете «Figaro». По своему жанру они относятся к паломнической литературе. В них дорожные наблюдения путешествия по Азии, основанные на дневниковых записях (рукопись хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: Ф. 178; далее: РГБ), автор соединил с историей своих нравственно-философских исканий.

В очерках князь, захваченный завораживающим действием дороги и ездой верхом на буйволах, слонах и пр., неспешно и подробно описывает путевые впечатления, знакомства, увиденные ландшафты, города, селения, памятники, местное население, его нравы, обычаи и религии. И при этом первоначально Константин Александрович расценивает свое путешествие как чрезвычайно удачное: «Путешествие мое удалось сверх всякого ожидания; я посетил все части Азии, объехал весь этот континент землей, как и намеревался, повидал почти всех азиатских царей. Ознакомился с большинством азиатских исторических памятников. Осмотрел все архитектурные стили тамошних племен и народов...»¹¹ Однако далее он с сожалением признает: «Если лишь этим путешествием ограничится моя деятельность, я должен буду с прискорбием сознаться, что прожил физический почти бесполезно».¹² Но на этом сюжетная линия очерков, связан-

¹⁰ Вяземский К. А. Путешествие вокруг Азии верхом // Русское обозрение. 1894. № 9. С. 317.

¹¹ Там же. С. 321.

¹² Там же. С. 326.

ная с мучительными для молодого человека поисками истины, обрывается. Прерывается и остается незавершенной и журнальная публикация очерков Вяземского. Интерес его к собственному творчеству явно утрачивается.

Так в самих очерках и в истории их выхода в свет отразился тот духовный кризис, который Вяземский переживал в конце 1880-х—начале 1890-х годов.

В этот период религиозно-нравственных исканий и осознания нового понимания смысла жизни Константин Александрович испытывал влияние философских воззрений Л. Н. Толстого и проповеднической деятельности афонского архимандрита Макария. Со Львом Николаевичем князь был связан знакомством и дружеской перепиской. Он дважды бывал в Ясной Поляне. Его первая встреча с писателем состоялась 11 июля 1890 г., вторая — годом позже, 27 июня 1891 г. Эти поездки и личные беседы с писателем надолго запомнились Вяземскому, и под обаянием личности Толстого он находился все последующие годы. Он писал сестре, что не может поверить, чтобы этот замечательный, так любящий людей человек был антихристом (см. письмо 11).

Центральной темой переписки Толстого и Вяземского (часть писем не сохранилась) было обсуждение религиозно-нравственных вопросов. Так, в письме от 8 августа 1890 г. писатель изложил Вяземскому свое понимание чувства любви к Христу и к ближнему: «Я не говорю о том, что можно или нельзя, должно или не должно любить Христа; я говорю, что я этого чувства не знаю и не понимаю. Говорил же я про это, потому что часто встречал людей, профессирующих фальшивую любовь к Христу; а фальшивое мне всё очень противно, особенно когда оно касается самых важных и дорогих предметов. Я знаю только две любви: любовь к Богу и к живому ближнему. А Христос не Бог и не живой человек. И этому, т. е. любви к Богу и ближнему, научил меня Христос, за что я ему очень благодарен...» По мнению Толстого, мы «делаем себе кумира из Христа и потому, хотя и считаем Христа Богом, удаляемся совершенно от учения Христа и лишаем себя возможности следовать ему».¹³

К подобным «дерзновенным» религиозным толкованиям писателя Константин Александрович относился достаточно настороженно и имел о них «должное понятие». Толстой, считал князь, «в вопросах веры заблуждался, но жил по заповедям Христа». Однако в «вопросах нравственных» Вяземский «абсолютно» разделял мнения «всей душой любимого» Льва Николаевича. Он относил Толстого «к тем редким и драгоценным исключениям, кои способны распознать правду и кои всегда готовы искренно ее возвещать людям, не взирая ни на что».¹⁴

Возможно, что такое отношение князя к личности Толстого и к его нравственно-философским взглядам было вызвано тем, что он еще в годы учения в Петербурге пережил краткое, закончившееся полным разочарованием увлечение проповеднической деятельностью о. Иоанна Кронштадтского. Пользовавшийся среди народа небывалой славой этот чудотворец стал казаться ему неискренним и слишком театральным (см. письма 2 и 8).

В начале 1880-х годов, во время первого длительного путешествия, состоялось знакомство Вяземского с архимандритом Макарием, который вскоре становится его духовным отцом. В 1875—1889 гг. архимандрит Макарий был настоятелем Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне. И, как отмечает архимандрит Августин (Никитин), с обширной просветительско-издательской деятельностью о. Макария, распространением среди верующих миллионными тиражами листовок, брошюр и книг

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 65. С. 137.

¹⁴ Там же. М., 1935. Т. 54. С. 560.

религиозно-нравственного содержания связан один из блестящих периодов истории этой обители.¹⁵

В течение нескольких лет князь переписывался с о. Макарием. Но сохранилось только одно письмо Константина Александровича от 22 марта 1885 г. Поблагодарив своего духовного «досточтимого отца», который был «близок к Господу», но не забывал молиться и о нем, князь пишет: «На Страстной седмице я всегда вспоминаю дни, проведенные мною у Вас на Святой горе, где я, можно сказать, впервые научился молиться».¹⁶ Общение с архимандритом Макарием не только повлияло на духовное становление князя Вяземского, но и определило его личную судьбу. Еще в 1885 г. Константин Александрович считал, что для него «Святой Афон далек, и путь к нему труден».¹⁷ Но уже в начале 1890-х годов князь с благодатной помощью своего духовного отца определяет цель своей жизни как «стремление познать Божество и направить свои умственные способности на уразумение силы Божией, Его благодати и премудрости».¹⁸

Через несколько лет после смерти старца, устав от мирской суеты и желая укрепиться в вере, Вяземский решает на поступление в монашество. В 1895 г. он принимает постриг с именем Киприана в Русском Пантелеимоновском монастыре, а позднее, в 1900 г., становится схимонахом Ксенофонтом.

Л. Н. Толстой одобрительно воспринял уход князя из мирской жизни. Он, несмотря на свое убеждение в том, что «церковное христианство есть величайший враг Христа, его учения и блага людей»,¹⁹ прислал схимонаху письмо. Об этом событии о. Ксенофонт писал сестре 8 (21) апреля 1901 г.: «Касательно Толстого, сообщу тебе, что, к моему великому удивлению, он мое поступление в монашество одобрил и выразился так: „Хотя я совсем не знаю, что за жизнь на Афоне, но верю, что человеку, уставшему от суеты мирской, пустыня может казаться привлекательной, и решимость ваша мне нравится, в России я еще никогда не видал истинных монахов, все носящие здесь рясы либо лицемеры, либо дураки, но, может быть, на отдаленном Афоне есть и искренние отшельники, живущие созерцательной жизнью и стремящиеся к добру“» (отрывок этого письма Толстого публикуется впервые. Полный текст письма не сохранился. Сведения о нем в других источниках отсутствуют).

Не только по вопросам нравственного, но и по проблемам практического характера о. Ксенофонт искал поддержки у Толстого. Не находя достаточного взаимопонимания у «добросердечных» афонских старцев, опираясь на помощь Льва Николаевича, писал ему 12 (21) февраля 1901 г.: «Я Вас так настойтельно спрашиваю, что мне делать? Не в теоретическом смысле, а в практическом, всеми силами души желаю служить человечеству и не вижу, как осуществить это желание».²⁰ Но ответного письма на Афон не последовало.

¹⁵ См.: *Августин, архимандрит (Никитин)*. Афон и Русская Православная Церковь (Обзор церковно-литературных связей) // Богословские труды. М., 1977. Сб. 33. С. 99–100.

¹⁶ Цит. по копии письма: РО ИРЛИ, Р. I, оп. 4, № 20б, л. 1–2. В РГБ хранятся подлинник письма и фотопортреты К. А. Вяземского: иеромонаха Киприана — 1895 г., схимонаха Ксенофонта — 1904 г. Они были получены в 1966 г. от настоятеля Пантелеимоновского монастыря архимандрита Илиана.

¹⁷ Там же, л. 4.

¹⁸ См. письмо от 2 (15) июня 1901 г.: РО ИРЛИ, Р. I, оп. 4, № 180, л. 1 об.; не публикуется.

¹⁹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1954. Т. 73. С. 24.

²⁰ Там же. М., 1935. Т. 54. С. 560.

Кампания по отлучению Толстого от Церкви расшатала здоровье писателя, обострила болезни, которые держали его «в продолжение почти полугода на краю смерти».²¹ С сентября 1901 по июнь 1902 г. Толстой был вынужден лечиться в Гаспре, в Крыму. После решения Синода в состоянии душевной подавленности и физического нездоровья пребывал и схимонах Ксенофонт. У него обнаружился рак желудка. Около месяца, с 1 (13) сентября 1901 г., он находился в больнице при греческом Ватопедском монастыре, где врачи пытались справиться с его недугами, но смогли «только <...> протянуть болезнь». Смерть настигла афонского монаха внезапно. Согласно сведениям, поступившим от архимандрита Илиана, он умер 4 (17) июля 1904 г. от разрыва сердца. В Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (Юбилейное) неверно указан 1903 г.²²

Письма о Ксенофонте последнего времени дополнительно подтверждают мысль В. В. Розанова об отлучении писателя как о пагубном шаге пастырей Церкви, который «потряс веру русскую более, чем учение Толстого». Так, 24 мая (6 июня) 1901 г. схимонах Ксенофонт с чувством особой душевной скорби сокрушался, что не умер раньше этого позора Российской Церкви (см. письмо 2).

Публикуются наиболее значимые фрагменты 13-ти писем схимонаха Ксенофонта (Вяземского) 1901 г., основное содержание которых связано с отлучением Л. Н. Толстого от Церкви. Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами.

1

1 (14) мая 1901 г. Афон

<...> Вот монахи у нас толкуют о Толстом и в своей наивности зовут его безбожником — о *sancta simplicitas!*^a Можно сказать, мало кто о нем имеет надлежащее понятие. У нас люди никак не могут сообразить, что можно во многом заблуждаться и все-таки быть очень добрым, честным и прекрасным Христианином.

Мне часто толкуют: вот, Толстой то-то и то-то изъясняет несогласно с<о> Св. Писанием, значит, он антихрист. И не понимают эти люди, что ведь только один Бог ни в чем не заблуждался никогда, ибо Он всеведущ, а человеку свойственны сомнения; не заблуждаются лишь те, кои никогда не мыслят, но похвально ли это? Я думаю, нет, ум есть дар Божий, и если Господь его дал нам, то, очевидно, чтобы мы им пользовались; но так как тайны Божии от нас сокрыты, то ясно, что этот ум, несмотря на свою силу и стремление, все-таки будет время от времени нас вовлекать в заблуждения, перед этим надо смиряться, уж тут ничего не поделаешь. Впрочем, лучше в вопросах веры заблуждаться, но жить по заповедям Христа, чем все догматы отчетливо знать наизусть, а жить по своим страстям и прихотям. <...>

Теперь о Синоде и Толстом: во-первых, ты ошибаешься, думая, что я о Толстом жалею, с ним ничего не случилось, зная его лично, я убежден, что он только посмеивается на синодальное отлучение.

²¹ Там же. М., 1954. Т. 73. С. 260.

²² Там же. М., 1935. Т. 54. С. 560.

^a святая простота (*лат.*).

Во-вторых, ты судишь довольно поверхностно поступок Синода, он есть ни что иное, как превышение власти, а следовательно, и незаконен. Богословы право отлучения силятся вывести из слов Христа: что отпустите, то отпустится, что свяжете, то свяжется,¹ но, во-первых, это сказано лишь апостолам и нет свидетельства, чтоб оно могло передаваться по преемству, а во-вторых, не должно забывать, что по преемству благодать переходит лишь к достойным по слову Христа: «если приявшие ваше благословение окажутся недостойными, то благословение ваше к вам возвратится»,² стало быть, на недостойных не пребудет; во-вторых, апостол Павел нам ясно определил смысл отлучения и право на него, сказав: не сужу вне Церкви стоящих, а в Церкви сущих за дела их.³ Стало быть, из лона Церкви могут исключаться (находящиеся в ней) за возмутительные поступки, но никак не за мысли. Толстой сам себя всегда объявлял не принадлежащим к Православной Церкви, значит, она на него прав и не имеет, как не имеет их ни на сектантов, ни на лютеран, ни на католиков. Кроме того, предосудительных поступков за Толстым нет, иначе его бы судил гражданский закон, а есть только превратные мнения, их можно не разделять, но проклинать за них бессмысленно. В Средние века страшно злоупотребляли отлучениями, и из этого выходило много соблазнов; еще недавно из-за экономических соображений Царьградская Патриархия отлучила от Церкви болгар, наложив на них схизму, это породило великий раскол в Православии.⁴ Российский Синод имел тогда благоразумие не признать это отлучение, а теперь из-за личных злоб и раздражения отлучает человека, пред которым преклоняется весь интеллигентный мир!

Но рассмотрим, что есть, собственно, Синод. Он учрежден Петром I-м в замену патриарха для заведования церковными делами; он называет себя святейшим, почему? Един свят, един Господь; к лику святых причисляют угодников Божиих, когда их мощи прославляются чудесами. Чем прославились члены Синода, чтобы назваться святейшими? Признавая, что люди они благочестивые, достойные и пр<очее>, все-таки нельзя не сознаться, что, называясь святейшими, они превозносятся и тем самым уподобляются фариисею, хвалившемуся пред Богом. Дело Синода блюсти за Церковью, то есть наблюдать, чтобы духовенство вело себя пристойно, согласно с установленным на вселенских соборах, и воздерживалось бы от злоупотреблений; клясть и поносить людей за то, что они мыслят иначе, чем прочие, не входит в круг деятельности Синода; Синод лишь может увещевать. Если хотят осудить и заклеить религиозные толкования Толстого, должны собрать собор и притом выслушать его объяснения, а не заочно решать, как Римские папы. Впрочем, кто не знает, что здесь играют роль личные страсти, оскорбленное самолюбие. Толстой — обличитель, ловко подмечивает темные стороны святейших и колко их осмеивает, вот за это-то его и ненавидят, а это дурно! В сущности, Толстой глумится вовсе не над таинствами и не над Православием, а над тупым и плоским пониманием этих таинств, над предпочтением людей к букве закона в ущерб вере. Но при этом опять добавлю: несомненно, Толстой во многом заблуждается, но ведь един Бог без греха. Клясть и ругать человека все-таки дурно и не по-христиански. Своим объявлением

Синод уронил себя во мнении всех мыслящих людей, а я об этом соболезнаю. Я бы хотел почитать, уважать пастырей нашей Русской Церкви, а к ужасу своему вижу, что их ни почитать, ни уважать нельзя, ибо поддаются своим дурным страстям без разумения. Да вразумит их Господь, конечно, они тут поддались чуждому влиянию и по малодушию подчинились <...>

¹ «Аминь (бо) глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» («Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе») (Мф 18, 18).

² «Входяще же в дом, целуйте его, глаголюще: мир дому сему: и аще убо будет дом достоин, придет мир ваш нань: аще же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится» («А входя в дом, приветствуйте его, говоря: „мир дому сему“: И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится») (Мф 10, 12—13).

³ «Что бо ми и внешних судити, не внутренних ли вы судите; Внешних же Бог судит: и измените злаго от вас самих» («Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог. Итак, извергните развращенного из среды вас») (1 Кор 5, 12—13).

⁴ О экономических причинах греко-болгарской схизмы писал Ф. Курганов: греческие «епископы совершали страшные насилия в своих епархиях. Ежегодная подать в патриаршую казну и им самим в разных епархиях была различна, смотря по богатству епархий. Епископы собирали ее обыкновенно за три года вперед. Сбор производился ими в сопровождении пышной свиты, человек в 30, и отряда жандармов, тоже в 30 человек. Нашествие этих гостей в полном смысле было нашествием шайки хищников или стаи саранчи, истребляющей все, что только попадается ей на пути. Крестьяне трепегали этого хищнического нашествия своего духовного пастыря и непрерывно разбегались бы, если бы оно совершалось не зимой. У несостоятельных плательщиков епископ отбирал рабочий скот и вообще все, что только имело цену; если же у кого ничего не было, таковых ввергали в тюрьмы, устроенные в Болгарии в речных берегах, куда искусственным образом была проведена вода из протекающей реки. Вода эта пускалась в тюрьмы, где заключены были бедные узники, и таким образом в мрачной, холодной, мокрой и тесной тюрьме морили их три дня голодом и выпытывали деньги. От такой пытки одни из них умирали в тюрьме, другие же выходили с явными признаками смерти. В местах же, где тюрьмы были лучше, несостоятельных должников ввергали в них на несколько месяцев. Кроме сбора ординарной ежегодной подати, епископы производили еще множество других поборов; каждый обряд церковный и каждое таинство совершалось не иначе как на вес золота» (Курганов Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник. Казань, 1873. Ч. 1. С. 54—55).

Естественно, что болгарское население начинает требовать положить конец этому бесчинству греческих владык и рукополагать своих архиереев. Ф. Курганов отмечает, что болгары «начали теперь критически относиться к поведению иерархии, к ее различным <...> поборам, к разным целевым обрядам, введенным ею с целью увеличения своих доходов, спрашивали, отчего нет этого в других православных странах, — и приходили к тому заключению, что все бросающиеся в глаза беспорядки в церковном строе зависят от господства над болгарам корыстолюбивой греческой иерархии, что положение дел не может улучшиться, если болгары не приобретут своих *пародных* архиереев, более просвещенных, чем хитрые фанариоты, и что вообще учреждение туземного клира необходимо. Находились смельчаки, которые заговаривали о восстановлении независимости Болгарской Церкви, о поставлении себе особого самостоятельного патриарха...» (Там же. С. 77—78). Требование назначения болгарских архиереев и священнослужителей и проведения богослужений на славянском, а не на греческом языке явилось началом греко-болгарской распри.

16 (29) мая 1901 г. Афон

<...> Вчера имел скорбь прочесть бранную речь Ивана Кронштадтского против Толстого.¹ Меня печалит в ней главное — то, как может пастырь Христовой Церкви так ругательски ругаться, и еще такой, коего в России почитают за праведника, за чудотворца; мне совестно становится за этого человека, которого хотелось бы уважать, к чему он себя так роняет, ведь все мыслящие люди, прочитав его ругань, его же осудят. Боже! Боже! для чего и для кого он пишет? И к чему такая *веронетерпимость*? Как мы далеки от апостольских времен! Бывало, святые терпели хуления, поношения, гонения и мучения; а теперь сами святые хулят, поносят и ругаются площадному, — о, ужас! о, позор! Да, трудно не поколебаться в вере теперь, когда от пастырей Церкви вместо поддержки видишь один соблазн! Иван Кронштадтский последователей Толстого прямо зовет свиньями. Неужели злоба и зависть так охватили души наших современных фарисеев, что уж они позабыли всякую пристойность <...>

¹ Имеется в виду проповедь о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни. Слово в день тезоименитства благочестивейшей государыни императрицы Александры Федоровны» (1901). См.: *Сергиев И. И. (Кронштадтский), протоиерей. Против графа Л. Н. Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени и раскольников.* СПб., 1902. С. 42—45. Впоследствии, после кончины знаменитого старца, В. В. Розанов так объяснял его явно антилиберальные выступления: «Часть негодования, которое стало возбуждать в последние годы его имя, произошло оттого, что он вмещал свое *мнение* в ход исторических и культурных событий, про которые можно сказать, что Иоанн Кронштадтский *никак к ним не относился*, не был с ними *нисколько и никак связан*, а потому и мнение о них мог иметь и имел только наивное и младенческое. Без сомнения, не он сам, но другие побудили его сказать свое мнение о Льве Толстом, о конституционном нашем движении и проч., чтобы заручиться этим мнением, как некоторою *палкою*. По глубокому неведению всех этих дел, Иоанн Кронштадтский был здесь сам *связанный человек*, которого несли, куда хотели, и принесли в черный лагерь нашей реакции. <...> Ему указали „перстом“ на некоторые слова у Толстого и предложили „осудить“ его; он — осудил. Сообщили разрозненные факты из освободительного движения, и тоже предложили „осудить“, — он опять „осудил“. Осуждение это было *политически* нужно врагам Толстого и врагам русской свободы; нужно было именно „изречение фетиша“, и нужно для самых темных масс народа, где и сложилось почитание фетиша» (*Розанов В. В. Из воспоминаний и мыслей об Иоанне Кронштадтском // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского.* М., 1996. С. 537—538 (Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николюкина). Курсив В. В. Розанова).

24 мая (6 июня) 1901 г. Афон

<...> Меня ужасно огорчает и возмущает все творящееся в России, вся эта необузданная ненависть и злоба на Толстого со стороны нашего духовенства и чиновничества. Так прискорбно, что люди, коих хотелось бы почитать, со свирепым остервенением ревуг на

Толстого, возводя на него самые несообразные клеветы. Конечно, это удел великих мыслителей и моралистов — быть поруганными толпой; но сердце сжимается, когда среди этой черствой толпы вдруг замечаешь человека, которого раньше знал и уважал, и который вдруг, теряя всякое благоразумие, поддается неистовым страстям. Посылаю тебе речь Ивана Кронштадтского, могущую служить образцом пустословия.¹ А жаль — этого иерея я, бывало, видал у дячки нашего М<ихаила> Л<ьвовича>, такое у него было симпатичное лицо и ласковый разговор, так он хорошо служил и такие умные говорил поучения, положим, я никогда не верил в его чудотворения, но он мне казался набожным и благочестивым, и, Боже, что он теперь пишет... Прочти его глупую речь со вниманием, я для ясности на ней выставил цифры для заметок.

(1) К чему эти льстивые речи?! Кажется, в древности святые угодники не лестили земным владыкам, а если обращались с речью к царям и царицам, то для обличения их в суете и гордости.²

(2) Какие голословные обвинения; кого они обморочат?! Если это против Толстого, то ведь он признает и суд, и будущую жизнь, и воздаяние за грехи, и необходимость исправиться, жить по Евангелию.

(3) Если бы это было так, то грустная участь ждала бы Россию; юношество, все отрицающее, да еще поддерживаемое в этом интеллигенцией. Кто же помочь-то тогда может... Уж не безграмотные ли мужики наподобие Арсения, раскритиковавшего Фаррара.³

(4) Что он этим хочет сказать, это, кажется, выражение презрения науке и образованию.

(5) Боже! Какое колоссальное самомнение и превозношение! Какой был бы ужас, если бы в самом деле Бог дал всем этим нетерпимым и немилостивым людям затворять и отворять небо. Но, благодарение Божие, власть дана была таковая лишь апостолам и по преемству может передаваться лишь достойным, а не современным фарисеям.⁴

(6) Что это — зависть тщеславия или просто глупость?⁵

(7) Это уж не простой набор слов, это пахнет неистовым доносом, это как бы просьба заточить Толстого. Каков святой пастырь Церкви — доносчиком является! Боже! Боже! До чего духовная гордость доводит!⁶

(8) Причем тут Матерь Божия? Какое неудачное сравнение, просто становится стыдно за отца Ивана.⁷

(9) Но ведь Толстой именно во всех своих сочинениях и указывает, что люди уклонились от учения Христа, и советует им одуматься и исправиться. Если Иван Кронштадтский того же мнения, за что же он Толстого ругает? Духовенству вообще следовало бы не возмущаться обличениями Толстого, а смирением и кротостью подавать пример прочим; если отец Иван сознает, что мир лежит во зле и растлевается страстями, зачем же сам-то предается страсти гнева и столь яростно порицает Толстого с его последователями?⁸

(10) Опять превозношение! Кротции наследят землю,⁹ а не строптивные, не ругатели, им даны обетования.¹⁰

(11) Обновимся, да, я согласен, но прежде обновись сам ты, проповедник, откинь злобу свою на Толстого и пойми, что ведь он тоже

человек, и ему свойственно ошибаться, но и он всегда советовал людям исправиться и, более существенное, советовал им участвовать в таинствах и богослужениях, он советовал любить ближних, что сам Христос повелел. Не любя же ближних и кляня их, бесполезно и в таинствах участвовать и богослужения совершать!¹¹

Удручающее впечатление производит эта строптивая, гордая речь российского чудотворца, а ведь я его прежде почитал, считал благочестивым, считал христианином. Боже, как ужасно извратились понятия и суждения современных проповедников, их приводит в бешенство, что люди, очарованные гениальностью Толстого, возлагают венки на его портрет. Не черная ли это зависть? Неужто не знает Иван Кронштадтский, что вся Европа преклоняется перед Толстым? И это единственный русский, перед которым преклоняется Европа.

Напиши мне, пожалуйста, что ты обо всем этом думаешь? Меня очень интересуют твои мысли. Иногда я жалею, что не умер раньше этого позора Российской Церкви, этого срамного гонения на Толстого со стороны пастырей, коих хотелось бы почитать *mais qui divaguent comme des possédés*¹². Да простит им Господь Бог, не ведают бо, что творят.¹² Сердца их обуреваются бешенством, и уста глаголят неправду. А жаль, жаль! что Российская Церковь так худо управляется и что сами пастыри, должествующие показывать пример смирения и кротости, дают злобе и гневу ворваться в их сердца <...>

¹¹ Имеется в виду проповедь о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни». См. письмо 2, прим. 1.

¹² Ср.: «Приспел и радостный день тезоименитства нашей Императрицы, которая в цвете лет жизни красуется своими прекрасными, благородными отраслями и, как плодovitая виноградная лоза, еще плодоносит разумный плод на радость Царю и России. Да торжествует русский народ, видя почивающее благословение Божие на Царском Доме» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 43).

¹³ *Арсений* (1837 или 1841—1913) — иеромонах Афонского Пантелеимоновского монастыря, синодальный миссионер, затем игумен, настоятель Воскресенского монастыря Новгородской епархии, один из основателей Союза русского народа. Он рассказывал о своей деятельности следующее: «В 1897 году я открыл публичные беседы в здании Михайловского манежа для изобличения революционного фарраровского учения, отравляющего у нас уже около 30 лет не только светские, но и духовные учебные заведения. Мои справедливые разоблачения восстановили против меня столичное духовенство <...> Мне запретили открывать в столице публичные беседы по вопросам этого пагубного учения, отняли у меня миссионерское жалованье и лишили звания синодального миссионера. В 1905 году, от столичных миссионеров и проповедников: Гапона, Петрова и 32 священников возникла у нас революция... полилась кровь православная... Все современные архипастыри, пастыри и миссионеры наложили печать молчания на уста своя, не оказывая никакого противодействия безбожной крамоле, стремящейся упразднить царский престол в России и ввести республику с жидовским ставленником во главе. <...> 12 октября Господь вложил мне благую мысль оказать противодействие революции открытием «Союза русского народа». <...> Все мои почитатели с любовью спешили присоединиться к нам и между прочим Александр Иванович Дубровин, которого единогласно мы избрали в председатели. Благодаря неутомимой энергии г. Дубровина, наш союз стал быстро разрастаться и привлек миллионы истинно русских людей со всей России. А меня за это современные крамольники ок-

¹⁴ но кои несут вздор словно бесноватые (*франц.*).

леветали перед властями. Состоялся заочный суд, который приговорил: лишить меня настоятельства в устроенной мною Воскресенской обители и сослать на Соловецкий остров как преступника» (*Арсений, игумен*. Открытое письмо редактору-издателю журналов: «Кронштадтский маяк» и «Свет России» Николаю Ивановичу Большакову и беседа б. синодального миссионера и главного учредителя «Союза русского народа» игумена о. Арсения. СПб., 1909. С. 30—32). Биография о. Арсения приведена А. Степановым, пытающимся пересмотреть представления о черносотенном движении. Он отмечает, что когда игумен Арсений опубликовал статью с изложением главных доводов против Фаррара, началась травля мужественного проповедника. <...> игумен Арсений был обвинен в богословском невежестве и фанатизме. Профессор Лопухин высокомерно заявил на страницах „Церковного вестника“, что о. Арсений, будучи протестантским миссионером, не мог составить правильного мнения о сочинениях Фаррара, ибо тут нужно высокое богословско-научное развитие» (*Степанов А.* Черная сотня. Взгляд через столетие. СПб., 2000. С. 43).

Заметка А. П. Лопухина была помещена в разделе «Почтовый ящик реакции» журнала «Церковный вестник» и представляла собой ответ г. А. Гл-д-ову: «Вы напрасно смущаетесь тем отношением, какое занял миссионер к указываемым вами сочинениям. Как миссионер протестантский, он обращается с своими беседами к *простому народу*, для разума которого действительности и недостоупны эти книги, да они и не предназначались для него, так как чтение их предполагает довольно высокое научно-богословское развитие. Поэтому предостережение миссионера в беседе с такой протестантской публикой имеет свое оправдание, хотя, конечно, мы совсем не одобряем его резких выражений, в которых решительно осуждаются эти сочинения как еретические. Еретического в них ничего нет, и напротив — сила религиозного чувства благоговения к божественной личности Господа Христа и мастерская картинность изложения евангельских событий — таковы, что под влиянием этих именно книг в нашем образованном обществе (к которому, конечно, не принадлежит ни этот миссионер, ни его публика) многие, как нам с достоверностью известно, впервые почувствовали интерес к возвышенным истинам христианства, и стали заниматься вопросами богословия. Вот почему один из наших просвещеннейших архипастырей (Никанор Одесский) делал главную из этих книг предметом подарка для своих духовных детей» (*Церковный вестник*. 1897. № 48. С. 1594). Таким образом, здесь не были названы имена иеромонаха Арсения и Фаррара. Иеромонах Арсений сам привел этот ответ профессора Лопухина читателю в своей книге «Миссионерское предостережение» (Уфа, 1905).

А. Степанов дальнейшие события излагает следующим образом:

«Однако у игумена Арсения нашлось и немало защитников. В результате их ходатайств осенью 1906 года он был освобожден. Прямо с Соловков прибыл он в Киев, где проходил Третий Всероссийский Съезд Русских Людей. <...> в 1907 году он организовывал паломничество черной сотни на Святую Землю, которое замышлялось им как начало крестового похода против революции» (*Степанов А.* Черная сотня. С. 45—46). В 1911 г. «он принес покаяние Святейшему Синоду в допущенном ранее противлении велениям священноначалия. После непродолжительного лечения в Ялте о. Арсений в 1912 году был возведен в сан архимандрита и назначен в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, который был основан афонскими монахами. В это время на Святой Горе разгорелись прения об Имени Божием. По поручению Святейшего Синода архимандрит Арсений, как авторитетный афонский инок, был направлен туда для борьбы с имяславием. 2 апреля 1913 года он прибыл на Афон. Однако убедившись в православности движения имяславцев, он стал во главе его, организовав Союз Исповедников Имени Господня во имя Св. Архистратига Михаила. Прожив жизнь исповедника, архимандрит Арсений скончался 20 августа 1913 года в Андреевском Скиту, а погребен был, как еретик, без отпевания, в лесной чаще» (Там же. С. 48).

В противовес этому мы можем указать, что Святейший Синод счел необходимым отмежеваться от многочисленных «еретических» воззваний о. Арсения, которые он рассылал с Афона по всей России, подписываясь как синодальный миссионер. В сообщении «От канцелярии Святейшего Синода» заявлялось, что архимандрит Арсений уже не является синодальным миссионером и вовсе не был послан на Афон исследовать «имяборческую ересь». Тут же говорилось, что в 1912 г. о. Арсений просил «о разрешении ему отбыть на Афон, где он желал бы окончить дни своей жизни в покаянии и молитве» (Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. 8 июня, № 23. С. 330).

Фаррар Фредерик Уильям (1831—1903) — священник англиканской церкви, проповедник, духовный писатель. Благодаря переводам на русский язык его имя было весьма популярным в России. Наиболее известной была его книга «Жизнь Иисуса Христа», многократно переиздававшаяся.

У о. Арсения было две книги, направленных против учения Фаррара. См.: *Арсений, иеромонах*. Обличение на книгу Фаррара, именуемую «Жизнь Иисуса Христа». М., 1898; То же. 2-е изд. 1899; *Арсений, игумен Воскресенского практически-миссионерского монастыря*. Лжеучение Фаррара. М., 1901.

⁴ Ср.: «Но не так смотрит на жизнь наше как называемое интеллигентное общество; оно в большей части заражено ядом отрицания и неверия, не хочет считаться с грехом и бороться с ним, отвергает воскресение, суд и воздаяние, и этим дает сильную поддержку учащемуся созревающему юношеству, бравизирующему своим отрицанием и неверием — отрицанием Церкви, Ее учения, таинств, богослужения и освященных совершений его. Интеллигенция сошла с рельсов, с прямого и твердого пути Христовых заповедей, уклонившись от церковного, богопреданного руководства, чему много помог и помогает своим непризванным проповедничеством — так называемый у интеллигенции колоссальный ум известного отрицателя, извратившего смысл Евангелия и порвавшего союз с Церковью, которой дана власть брать и решить грехи человеческие, затворять и открывать небо — благорассудно и праведно» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 43—44).

Фарисеи — представители общественно-религиозного течения в древней Иудее, создавшие Устное учение (закон), зафиксированное в Талмуде. В Евангелиях фарисеи называются лицемерами. Отсюда переносное значение слова — лицемер, ханжа.

⁵ Ср.: «Последователи его (Толстого. — *А. М., Л. К.*) слишком беззастенчиво и открыто проявили свое безбожие и преклонение пред кумиром самозванного учителя, положивши в недавнее время множество венков пред его живописным портретом, и этим обнаружили, каким духом они водятся, кому они сочувствуют, кому поклоняются, — только не Богу. А из письма, — всем известного, ходящего по рукам всех, явно, что почти весь мир следует за ним, этим идолом, — т. е. не верует во Христа как Спасителя и Богочеловека, а верует в колоссальный ум» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 44).

⁶ Ср.: «Заботимся о учебной реформе, — но если колоссальные безбожные умы будут свободно говорить и проповедывать свой колоссальный бред, то никакая учебная реформа не обновит учебного строя, и в юношестве духа Христова не будет» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 44).

⁷ Ср.: «Настало для Церкви Божией время, как некогда для Матери Божией, стоявшей у Креста Своего Сына, что и ее душу проходит оружие, чтобы открылись сокровенные, безбожные помышления многих, и стало явно, кто — Христов, и кто нет, кто принадлежит к Церкви Его, и кто ушел от нее» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 44).

⁸ Ср.: «Многие из именуемых христианами вступили на путь языческий — не хотят знать Церкви, не участвуют в Богослужении и таинствах; не хотят знать Христа и Его учения...» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 45).

⁹ «Блажени кроткии: яко тии наследят землю» («Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю») (Мф 5, 5).

¹⁰ Ср.: «Но Избавитель больше с неба не придет. Раз Он был на земле, дело Свое совершил, которое дал Ему Отец небесный, Церковь основал; всю власть и все истинное учение передал Ей, а кроме Ее — никому и ничему» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 45).

¹¹ Ср.: «Нужно всем немедленное пробуждение, обновление! Обновимся же в уме, в сердце, в жизни, в понятиях, в вере; да возвратятся к Церкви отступившие от нее, да исправят свои нравы, помышления, верования, да принимают живое участие в богослужении и таинствах...» (Отношение интеллигенции к духовной жизни. С. 45).

¹² «Отче! отпусти им: не ведают бо, что творят» («Отче! прости им; ибо не знают, что делают») (Лк 23, 34).

11 (24) июня 1901 г. Афон

<...> Касательно Толстого отвечу тебе, что если ты и не осведомлена о подробностях дела, то мне они хорошо известны; я лично знаю Толстого и признаю его за очень нравственного, честного и умного человека. Он толкует Евангелие несколько своеобразно и неправильно; об этом должно поскорбеть и постараться вразумить его, а не поносить, не ругаться над ним, не проклинать. Да его наш Синод и не думал проклинать, пока он затрогивал лишь религиозные вопросы (Толстой уже 20 лет как критикует церковные толкования и постановления); его отлучение последовало только тогда, когда он в своих сочинениях стал осмеивать лично *Победоносцева*,¹ тогда-то Святейший (вернее, слепейший) Синод отлучил его. «La morale de cette fable est telle»⁴: о Боге и Церкви говори, что хочешь, но личность синодского обер-прокурора не злословь. Tout cela n'est guère édifiant⁶; и есть причина удивляться и негодовать. Рассуждение твое вообще грешит в своем основании: говоришь, общество вправе исключать не хотящего подчиняться члена. В том-то и дело, что Церковь не простое общество, а есть собрание верующих, коего глава Христос заповедал этому обществу взаимную любовь, а не ненависть, и все, что это общество творит вопреки завету своего главы Господа Иисуса Христа, то *незаконно творит* и производит лишь соблазн. Пусть эта Церковь с кротостью вразумляет заблуждающихся, это ее дело; но проклинать, поносить — это недостойно ее. Пригласи они Толстого на суд, разбери его толкования, опровергни его любомудрствования, они были бы правы. Но голословная руготня и отлучение от своей среды, к которой, собственно, Толстой никогда и не принадлежал, являются нелепостью и великим соблазном <...>

<...> пришел на Афон с целью веру свою укрепить, видя же, что люди выше всякой веры ставят свои суеверия, смущаясь, и вера моя колеблется еще больше. Люди, которых хотел бы уважать и почитать, прямо игнорируют заповеди Христовы; на место любви поставили ненависть; на место смирения самомнение и гордость. В Церкви Христовой вижу разлад, зависть, ложь и суемудрие. Куда обратиться? Даже на Афоне у нас есть люди, ругающие Толстого (при том ничего толком о нем не знающие). Эта руготня меня приводит в ужас. Можно ли так сильно дать себя обхватить ярости, чтоб поносить этого честного, гениального, бескорыстного человека! И, слыша со всех сторон нелепости, перестаю верить в здравый смысл людей. Вот соломинка, о которой боюсь, что порвется. Всякий, выражающийся превратно о Толстом, натягивает эту соломинку (мою веру в людей) и любовь к ним <...>

¹ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — политический деятель, социолог, правовед, публицист, переводчик. Обер-прокурор Св. Синода (1880—1905). Многие современники узнали его в образе Топорова из романа Л. Н. Толстого «Вос-

⁴ «Мораль сей басни такова» (франц.).

⁶ Во всем этом мало назидательного (франц.).

кресение». Конечно, Толстой критиковал здесь и Российскую Церковь: «Должность, которую занимал Топоров, по назначению своему составляла внутреннее противоречие, не видеть которое мог только человек тупой и лишенный нравственного чувства. Топоров обладал обоими этими отрицательными свойствами. Противоречие, заключавшееся в занимаемой им должности, состояло в том, что назначение должности состояло в поддержании и защите внешними средствами, не исключая и насилия, той Церкви, которая по своему же определению установлена самим Богом и не может быть поколеблена ни вратами ада, ни какими бы то ни было человеческими усилиями. Это-то божественное и ничем не поколебимое божеское учреждение должно было поддерживать и защищать то человеческое учреждение, во главе которого стоял Топоров с своими чиновниками. Топоров не видел этого противоречия или не хотел его видеть и потому очень серьезно был озабочен тем, чтобы какой-нибудь ксендз, пастор или сектант не разрушил ту Церковь, которую не могут одолеть врата ада. Топоров, как и все люди, лишенные основного религиозного чувства, сознания равенства и братства людей, был вполне уверен, что народ состоит из существ совершенно других, чем он сам, и что для народа необходимо нужно то, без чего он очень хорошо может обходиться. Сам он в глубине души ни во что не верил и находил такое состояние очень удобным и приятным, но боялся, как бы народ не пришел в такое же состояние, и считал, как он говорил, священной своей обязанностью спасать от этого народ» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1933. Т. 32. С. 296—297). Материал для сцены встречи Нехлюдова с Топоровым в романе «Воскресение» Толстому дал рассказ Татьяны Львовны Толстой о ее свидании с Победоносцевым (см.: *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. М., 1980. С. 225—226).

5

10 (23) июля 1901 г. Афон

<...> Затем перехожу к самому интересующему нас вопросу: Толстой — человек и как человек не может не заблуждаться, но заблуждения его искренни, а обличения весьма колки и небесполезны. Что же Иван Кронштадтский? Я много о нем думал и много читал его проповедей. Это человек совсем не простой, как ты пишешь, он кончил курс в Духовной Академии магистром, *он вредный шарлатан* и человек, смотрящий на религию как на средство для наживы и приобретения популярности, он лжечудотворец, ездит по России в купе первого класса, в роскошной шелковой рясе и собольей шубе, окруженный жандармами, это возмутительный соблазн, истинные угодники Божии ходили в рубище и босиком, о святости своей не трубили и проклятий не расточали. Александра III-го он ездил в Ялту исцелять, но не исцелил. Его слова не есть вопль страждущей души, как ты пишешь, а есть досада славялюбовивого фанатика на то, что его плутны разоблачают и не поклоняются его мнимой святости; в нем не только не видно любви к молодежи, а видна ненависть и злоба ко всему мыслящему. Ему, говоришь, больно видеть, что чувство почтения к Церкви и к пастырям ее падает в людях. *А кто в этом виноват? Сами пастыри, всегда заботившиеся о своем благосостоянии, а не о пасомых.* Их дела дурны, их поступки и поучения лживы, они по заповедям Христа не живут, и потому этим самым подрывается к ним уважение и к той Церкви, которую они представляют. Прежде чем прочих порицать и при помощи проклятий исправлять, самим надо исправиться и поступать по Евангелию. Вера и нравственность действительно у нас падают и разрушаются, но

виноваты в этом только те, кои взялись блюсти об этой вере, то есть те самые пастыри, которые теперь злятся, что люди перестали им верить, видя, что они, как древние книжники и фарисеи, не творят того, чему поучают. Постарайся с ними сблизиться, поговори с этими архиереями, протопопами, архимандритами, ты убедишься, что они только и мечтают о гонениях, сердца их полны злобой, они только и толкуют о ссылке, казнях и проч<ем>, кои желают налагать на русскую молодежь за то, что она более им не хочет верить и ищет себе кумиров в другом месте. Выражение «интеллигенция сошла с рельсов»¹ есть пошлое выражение; если она сошла с рельсов, то не машинисты ли виноваты? Когда поезд сходит с рельсов, судят стрелочника или станционных служащих, а не попрекают вагоны и колеса, ибо сии последние двигаются туда, куда их направляют. Духовенство наше не сумело стать во главе образования, оно все выпустило из рук, а теперь и сердится; вера оскудела потому, что юношество воспитывали без веры. *Где было наше духовенство, когда паскудной памяти Катков вводил латишцишу?*² Почему духовенство тогда не внушило правительству, что заставлять молодежь зубрить разных Цицеронов,³ и Тацитов,⁴ и Горацийев,⁵ значит развращать ее? Разбенка, не объясняя ни творений Иоанна Златоуста,⁶ ни Григория Богослова,⁷ ни христианских философов Паскаля,⁸ Декарта,⁹ Лейбница,¹⁰ прямо сажают за язычников Цицерона, Вергилия,¹¹ Цезаря¹² и проч<их>. Это все ужасно! И не могло принести иных плодов. Вера оскудела и оскудеет вовсе, если они не возьмутся за ум и не прекратят своей брани и проклятий. Нужна любовь, чтобы привлечь на путь правды, а любви в их словах не видно.

Я говорю обо всем этом со страстью, ибо это самый животрепещущий вопрос в настоящее время; религия разрушается и все более и более, а те, которые должны бы были ее укреплять, только ругаются да клянут всех, и не думая и не умея вразумить; а не хотят на самих себя оборотиться и усмотреть свои собственные недостатки, и уразуметь, что их проповедь тщетна, потому что они сами дурны и не ведают, что говорят. Отношения нашего духовенства к молодежи подобны тому, как если кто стал своего соседа все подталкивать, а потом, когда бы он упал в яму, принялся кричать: «Ах, ты негодяй! Ах, пьяница! Ах мерзавец, что ты не удержался на ногах». И сосед с полным правом мог бы сказать: «Зачем же ты меня толкал, а не поддерживал? Тебе тесно казалось, ты меня пихал, не заботясь, что рядом яма, ну, я и упал... Кто же виноват?»

Но духовенство наше во власти, оно сильно, а у сильного всегда бессильный виноват. Нынешней зимой пострадали только студенты и студентки,¹³ царствующим людям ничего не сделалось, они все так же сладко ели и пили в роскошных комнатах, пока юноши и юницы томилась в тюрьмах; иконы же и церковная утварь, в которую раздраженные мальчишки необдуманно бросали камнями, страдать не могли, ибо они неодушевленные предметы; а потому утешить их не в чем; их надо бы вразумить, чтобы они побольше жалости и снисхождения имели к своему народу, и так бы должен был сделать пастырь добрый. Св. Филипп митрополит¹⁴ не утешать царя стремился, а поучать; он заступался за несчастных гонимых, а Иван Кронштадтский их клянет. Прежде святость заключалась в том, чтоб засту-

паться за обиженных, умолять о милосердии во власти сущих, проповедовать всепрощение. Но это было тогда, когда сердце находилось на левой стороне, а печень на правой. Mais nous avons changé tout cela!¹⁵ Теперь, по-видимому, святость состоит в том, чтобы властвующим ожесточать и науськивать на несчастных, натравливать их на всех, иначе мыслящих. Это ужасно, мне непонятна такая святость.

Донос Ивана Кронштадтского явен в фразе: «если колоссальные безбожные умы будут свободно говорить и проповедовать, то никакая реформа не обновит юношества».¹⁶ Это означает: «Схватите Толстого и засадите в тюрьму, ибо он нам своими обличениями мешает обманывать молодежь». Я такой навет прочел с отвращением; то же говорили католические патеры на Савонаролу¹⁷ и на Иоанна Гуса.¹⁸ Теперь потолкуем насчет преемства, которым наши братья духовные так любят злоупотреблять. Это вопрос важный. Христос сказал апостолам: «Что отпустите, то отпустится, что свяжете, то свяжется».¹⁹ Из этого ясно, что апостолам дана была власть разрешать грехи, понятно, что Христос, зная, что они ею не злоупотребят, доверил им учить и судить прочих. Теперь вопрос: переходит ли эта власть чрез рукоположение прочим? Хотя в Евангелии нет прямого указания на то, чтобы она могла передаваться, но по аналогии древние христиане признали, что она может быть передаваема, и апостолы не затруднялись ее передавать избранным при благословении, поминая заповедь Христа не отказывать людям в благословении; но Всеведущий Христос провидел, что апостолы и их ставленники как люди будут ошибаться, а потому добавил: «Если благословляемый недостоин, то благословение ваше к вам вернется, если же достоин, на нем пребудет».²⁰ Вот это-то и есть ключ к разрешению вопроса, достойный иерей именно получает власть вязать и разрешать грехи, недостойный же власть сию утрачивает. Это несомненно; подумай, если б было иначе, то ведь нам всем бы пришлось идти в ад, ибо папы римские, имеющие рукоположение по прямой линии от апостолов, нас всех православных проклинали. Исповедь есть великое таинство, но вовсе не оттого, что тебя в ней иерей покрывает епитрахилью, а потому, что, готовясь к ней, ты искренне каешься в своих грехах, обдумываешь всю свою жизнь и решаешься твердо исправиться. Если нет в тебе твердого намерения исправиться, ни сокрушения о грехах, то хотя бы тебя священник 20-ю епитрахильями покрыв и 1000 молитв прочитал, грехи твои не простятся, ибо прощение исходит от Бога Всемогущего, а не от иерея, не могущего ведать твои сокровенные мысли.

Что ты пишешь о Толстом, что он превозносится и обладает о себе чересчур высоким мнением, это отчасти зерно, но это естественно, ибо все его противники такие дураки, их нападки такие неумелые, так рассыпаются в прах, что неудивительно при этом возгордиться. Прочие твои взгляды о нем неверны и, конечно, наваяны тебе людьми, не понимающими его. Он всегда был искренен, и самые несообразные вещи говорит искренне, он даже слишком откро-

¹⁵ Но мы переменили все это! (*франц.*).

венен и часто высказывает многое такое, чего люди не в состоянии понять и что они изворачивают, представляя кощунством. То, что люди по его совету разбирают по косточкам службу и Евангелие, они хорошо делают. Вспомни главнейший текст Христова учения: «Не всякому духу верьте, искушайте духа»²¹ и «Будьте мудры яко змии»,²² а ведь если свое прибавляют к заповедям, это уж худо делают, но этого Толстой и не советует. Критиковать свою религию всякий мыслящий обязан, чтобы укрепиться в вере, если же, критикуя, он ее потеряет, значит, у него никогда никакой и не было. Слепая обезьянья вера негодна Христу, вера должна быть сознательная. Толстой — ярый противник нигилизма и сильно способствовал к его ослаблению и распятию, за что ему великое спасибо, то же, что ты пишешь, что предпочитаешь нигилистов его последователям, это мне кажется ужасным, полагаю, что ты просто не обдумала, что написала. Поверь мне, души колеблющиеся смущает не Толстой, а лицемерные и суеверные пастыри Церкви, соблазн от них; Толстой лишь констатирует его и предостерегает от вероломства и напускного благочестия. Можно за бесспорное признать, что у хороших пастухов никакой волк не расхитит овец; если стадо расхищается, виновны пастыри и на себя должны пенять.

Наше духовенство русское вообще очень равнодушно собственно к вопросам религии, заботится лишь о своей наживе и престиже. Толстой им, главное, ненавистен тем, что они предвидят о значительном уменьшении их доходов и влияния вследствие его обличений, и это их бесит.

Все, что написал тебе, зрело обдумал и помолился пред тем, чтоб написать, в моих словах одна лишь истина и нет преувеличения, я сам скорблю, ужасно скорблю, что наше духовенство так низко упало нравственно, на это полезно указать, да на горшее, что будет. Вероятно, этому причиной крайнее невежество, в каком состоит наше духовное сословие, да и вообще вся Россия, это очень грустно, но еще грустнее было бы на это не обращать внимания и следовать по тому ложному пути, который эти слепцы указывают. Путь, указанный нам Христом, есть путь любви, а не злобы, путь примирения, а не вражды. Испытай, поговори с любым священником о Толстом, ты увидишь, что при одном имени его лицо у него исказится злобой, и он начнет изрыгать проклятия, а так ли Христос учил? Он даже саддукеев,²³ все отвергавших, не проклинал, а только указал, что они не знают Писания, ни силы Божией.

По совету твоему перечел письмо Ивана Кронштадтского²⁴ и ужаснулся, сколько там лицемерия и превозношения, удивляюсь, как ты с своим умом этого не усмотрела; должно быть, сильно влияют на тебя лжетолкования его превозносителей. Благодарю Бога, что у нас на Афоне нет лжечудотворцев, подобных вашему миру Кронштадтскому, иначе я бы тут не мог обставаться. Что мне делать: мне всякие лжечудеса претят, когда ты писала, что у вас Андрюша Обухов чудотворец,²⁵ мне это разом дало худое мнение о нем, удивляюсь, почему вы так увлекаетесь всей этой мишурой и как у вас не хватает критического смысла отличить искреннее благочестие от напускного.

<...> Толстой и Фламарион²⁶ умственно неизмеримо выше нас, да, вероятно, и нравственно, за что их должно ценить, если же в чем как люди заблуждаются, то этому удивляться нечего, всем свойственно заблуждаться, никто не совершен <...>

¹ *Сергиев И. И. (Кронштадтский), протоиерей.* Отношение интеллигенции к духовной жизни... С. 44.

² *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — публицист, издатель, критик. В 1871 г. под его руководством была проведена учебная реформа, делавшая акцент на изучении в гимназиях древних языков. Это вызвало резкую критику в разных по политическим убеждениям кругах русского общества.

³ *Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

⁴ *Тацит* (ок. 58—ок. 117) — римский историк.

⁵ *Квинт Гораций Флакк* (65 до н. э.—8 до н. э.) — римский поэт.

⁶ *Св. Иоанн Златоуст* (между 344 и 354—407) — один из главных отцов Церкви, византийский церковный деятель, епископ Константинополя (с 398 г.), представитель греческого церковного красноречия. В Византии и на Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя.

⁷ *Св. Григорий Богослов (Григорий Назианзин)* (ок. 330—ок. 390) — отец Церкви, греческий церковный деятель, мыслитель и писатель, епископ г. Назианза (Малая Азия).

⁸ *Паскаль Блез* (1623—1662) — французский математик, физик, религиозный философ и писатель.

⁹ *Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог.

¹⁰ *Лейбниц Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — немецкий философ, математик, физик, языковед.

¹¹ *Вергилий Марон Публий* (70—19 до н. э.) — римский поэт.

¹² *Цезарь Гай Юлий* (102 или 100—44 до н. э.) — римский диктатор, полководец.

¹³ Имеется в виду студенческое движение 1899 г., которое началось с волнений в Петербургском университете. 8 февраля студенты, оскорбленные объявлением ректора, грозившим им в случае нарушения порядка во время университетского акта разными репрессиями, сорвали со стен это объявление и освистали ректора. Над студентами полиция учинила жестокую расправу. Они в ответ объявили коллективный протест. Вскоре к студентам Петербургского университета стали присоединяться учащиеся других высших учебных заведений. Студенческими волнениями в 1899 г. были охвачены 30 высших учебных заведений России.

¹⁴ *Св. Филипп (в миру Федор Степанович Кольчег)* (1507—1569) — митрополит Московский и всея Руси, открыто обличавший в Успенском соборе царя Ивана Грозного за кровопролития и беззакония. Сосланный в тверской Отрочь монастырь, был задушен посланным царем Малютой Скуратовым.

¹⁵ Схимонах Ксенофонт обыгрывает слова Сганареля из комедии Мольера «Лепкарь поневоле» (действие 2, явление 6), приведенные Толстым в трактате «Так что же нам делать?»: «В Библии сказано, как закон человека: „В поте лица снеси хлеб, и в муках родиши чада“ <...> Но nous avons changé tout ça. — как говорит мольеровское лицо, завравшись о медицине и сказавши, что печень на левой стороне. Мы все это переменили. Людям не нужно работать, чтобы кормиться, это все будут делать машины, а женщинам не нужно рожать» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 25. С. 386—387).

¹⁶ Неточная цитата из проповеди о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни» (С. 44).

¹⁷ *Савонарола Джироламо* (1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал Церковь к аскетизму, организовывал сожжение произведений искусства. Был отлучен от Церкви и казнен.

¹⁸ *Гус Иоанн (Ян)* (1371—1415) — национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации, основоположник чешского литературного языка. Вдохновитель

народного движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви. Был осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

¹⁹ «Аминь (бо) глаголю вам: елика аще свящете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» («Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе») (Мф 18, 18).

²⁰ «Входяще же в дом, целуйте его, глаголюще: мир дому сему; и аще убо будет дом достоин, придет мир ваш нань: аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится» («А входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится») (Мф 10, 12—13).

²¹ «Возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир» («Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире») (1 Ин 4, 1).

²² «Се Аз посылаю вас яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змии, и цели яко голуби» («Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби») (Мф 10, 16).

²³ Саддукеи — одна из политических и религиозных группировок в Иудее во II в. до н. э.—I в. н. э. Объединяла высшее жречество, землевладельческую и служилую знать. Саддукеи как секта политическая по преимуществу прекратили свое существование вместе с прекращением государственной жизни Иудеи. В противоположность фарисеям, саддукеи признавали один только писанный закон Моисея, отвергая все народные обычаи и все постановления позднейших законоучителей. Народ не пошел за саддукеями также и потому, что жить по библейской букве становилось иногда совершенно невозможно. Фарисеи же прилагали все усилия к тому, чтобы примирить закон с жизнью. Целым рядом искусственных толковательных приемов они придавали букве закона такой смысл, при котором закон переставал противоречить требованиям жизни.

²⁴ Вероятно, имеется в виду это же Слово о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни...». В. А. Голицына, как видно из контекста, желая переубедить о. Ксенофонта, советовала ему внимательно читать выступления знаменитого пастыря.

²⁵ Лицо неустановленное.

²⁶ *Фламарион Камиль* (1842—1925) — французский астроном, автор научно-популярных и теософских книг.

6

18 (31) июля 1901 г. Афон

<...> На днях прочел я отзыв ректора Петербургской академии епископа Сергия по поводу синодского распоряжения о Толстом.¹ Умно пишет этот господин, и логики много в его суждениях, и знания Священного Писания и пр<очее>. Да любви-то не видится. Все они Толстого порицают, соболезнуют о нем, ужасаются его участи, советуют покаяться. И все это, разумеется, правда, ибо Толстому как человеку свойственно и заблуждаться, и увлекаться, и раздражаться, и сомневаться, и грешить, ясно, что он во многом не прав и дерзновенно судит о Христе. Но невольно думаешь, а сами-то эти люди, что судят его, *кто?* Люди, что неистово поносят его и с полной логичностью ужасаются его учению и предрекают гибель, они-то *кто же*, ангелы, что ли? Безгрешные духи? Не преданы ли они также и страстям, и заблуждениям, и тщеславию, и славолению, и честолюбию, и греху, и корыстолюбию? Почему они так себя высоко

и непогрешимо ставят? Ведь они монахи, должны бы пример смирения и любви показывать. Ведь слова Христа: «Не судите, да не судимы будете»,² — именно к нашей братии, самоуверенным людям, и относятся. Легко может статься, когда все эти члены Синода, архиереи, митрополиты, протоиереи и архимандриты явятся к престолу Божию обвинять Толстого, Господь скажет им: «Кто из вас без греха, брось в него первый камень»,³ — и эти слова ведь им будут в посрамление! А жаль! Ужасно жаль! что такая рознь-вражда завелась в России <...>

¹ *Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский)* (1867—1944) — епископ Ямбургский, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1901 г.). В 1943 г. выбран Патриархом Московским и всея Руси. В журнале «Миссионерское обозрение» в разделе «Новая исповедь графа Л. Толстого» сразу же после «Ответа на постановление Синода» Л. Н. Толстого была напечатана его статья «Мысли православного епископа по прочтении новой исповеди графа Л. Толстого» (Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 815—823). (Впоследствии неоднократно переиздавалась под названием «По поводу „Верую“ Л. Толстого. Психология его отречения» в сборнике «„Верую“ Льва Толстого и ответы на это „Верую“»). В ней, в частности, говорилось: «Ему, гениальному писателю и художнику, конечно, трудно было смириться пред чьим бы то ни было авторитетом. Решаясь испробовать церковный путь, он захотел в то же время и наблюдать, как на него будет действовать это новое средство, и, конечно, его средство и этот путь скоро ему надоели, ощутительных последствий в себе граф не замечал и... обвинил во всем этом не себя, а Церковь и ее таинства» (Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 820).

² «Не судите, да не судимы будете» («Не судите, да не судимы будете») (Мф 7, 1).

³ «Иже есть без греха в вас, прежде верзи камень на ню» («Кто из вас без греха, первый брось на нее камень») (Ин 8, 7).

7

11 (24) августа 1901 г. Афон

<...> Долг Синода был не протестовать, а стараться вразумить Толстого, обратить его на путь истины; они хотя и уверяют, что делали к тому попытки, не увенчавшиеся успехом, но *это неверно*; правда, к нему посылали полуграмотных попов, не смыслящих сути религии и задорно порицавших Толстого свободомыслие, угрожая геенной.¹ Не так следовало действовать, к нему должны были отправлять умных, сведущих профессоров богословия, могущих ему дать толковый ответ на все без задора, с кротости и смиренным, не проклинать его, а увещевать, вот тогда-то эти самодовольные, непогрешимые члены Синода исполнили бы свой долг. И еще должны бы и его обличения послушать и во многом исправиться, не слишком полагаясь на свою пресловутую святость. Я имею точные сведения о всем, касающемся этого дела, ибо у нас многие получают непосредственные известия из Синода, всех этот вопрос страшно интересует, и везде монастыри делятся на два лагеря: на злобствующих и ненавидящих Толстого (коих большинство) и на соболезнующих и ужасающихся этой возникшей в России борьбе. Я с тобой очень рад переписываться о Толстом и очень был бы счастлив убедить тебя, что он, хотя и заблуждается, но все-таки высоконравственный,

умный и полезный человек. Среди нашей же братии духовных (особенно высоких саном) есть много имеющих постоянно Христа на устах, а в сердцах ложь и порок. <...>

Р. С. Касательно Толстого пойми меня: я глубоко скорблю о его заблуждениях и желал бы всей душой, чтоб он обратился к христианскому учению и возлюбил бы Христа, но думаю, что этого можно достичь, не проклиная его и ругая, а с кротостью, разумно увещавая, и надеюсь, что милосердный Господь просветит его.

¹ Имеются в виду посещения и письма к Толстому о. Иванова, архиепископа Никандра, тульского тюремного священника Дмитрия Егоровича Троицкого и др. По этому поводу В. М. Скворцов писал: «Тульский протоиерей о. Иванов и в „Миссионерском обозрении“ (май месяц), и подробнее в местных епархиальных ведомостях (№ 8 за 15 апр<еля>) сообщает о беседах, направленных к вразумлению графа, еще покойного тульского архиепископа Никандра <...> Беседовал устно и посылал Льву Николаевичу несколько писем увещательных, оставленных без ответа, и этот маститый, просвещенный пастырь — о. Иванов. Известно, что, по распоряжению местного епископа, к графу для собеседования и обличения его суетности ездили в Ясную Поляну покойный о. ректор Тульской семинарии Романов и преподаватель догматического богословия. Ныне имеется письмо одного из именитых дворян, соседа Толстых по имению, который <...> свидетельствует, что он сам лично слышал от Льва Николаевича недовольство на то, что тюремный священник, по приказу архиерея, надоедает («Все таскается») ему, графу, своими беседами. Один из тульских священников и сам писал нам в редакцию о своих посещениях графа и о многократных беседах с Львом Николаевичем, в которых последний являлся не раз безответным против правды евангельской. <...> В прошлом году, при постигшей графа тяжелой болезни, высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский, в своих отеческих заботах о спасении души знаменитого русского писателя, поручал вновь сделать увещание графу чрез протоиерея о. С-ва, бывшего законоучителя детей графа для увещательной беседы, но Л<ев> Н<иколаевич> под разными предлогами (нездоровья, срочной правки корректуры „Воскресения“...) уклонился от свидания и бесед с почтенным пастырем; граф очень рассердился, когда узнал, что о. С. послан к нему иерархом. В первые два посещения с о. С. беседовала о графе супруга его, графиня Софья Андреевна, и обещала даже, по совету о. С-ва, пригласить к графу о. Иоанна Кронштадтского, а в последний раз и она не вышла к увещателю. Не говорим о частных попытках к увещанию графа, предпринимавшихся духовными лицами, посещавшими графа (напр<имер>, мы знаем, что беседовал с Львом Николаевичем архимандрит Антоний, ныне епископ Уфимский), и мирянами ...» (редакторские замечания редактора-издателя «Миссионерского обозрения» В. М. Скворцова к «Ответу на постановление Синода» Л. Н. Толстого. См.: Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 802—803).

8

11 (24) сентября 1901 г. Афон

<...> Касательно Ивана Кронштадтского скажу тебе: ты заблуждаешься. Он не только *не светлая личность, но лживый и вредный шарлатан*. Меня этот вопрос очень интересовал, и я много об этом думал, справлялся, расследовал, перечитывал все его проповеди и лицемерную его книгу «Моя жизнь во Христе». ¹ Я сам его прежде считал благочестивым и избранным Божиим, но ошибался. Человек этот полон тщеславия и сребролюбия; посмотри, какие он носит богатые шелковые рясы, собольи шубы, как разъезжает по России в отделениях 1-го класса для творения своих якобы чудес и исцелений.

Здесь на Афоне, где я вижу такую простоту и убожество даже меж игуменами и архиереями, коих по одежде не отличишь от простых монахов, мне особенно противны ивановские лицемерия. Будь уверена, что молитв такого человека Бог не слушает. Прочти его проповеди, они все полны самовозношением, проклятиями и руготней, ничего общего не имеющей с учением Христа. У него нет смирения, а без смирения не может быть и благодати; ему поклоняются легковесные, не привыкшие размышлять люди, это все мороченье очень прискорбное. Талант, данный ему от Бога, он не зарыл в землю, а сделал хуже: он его всецело употребил на обман, извратил его и издевается над Христом, выдавая себя за чудотворца, он комедиант, его молитва театральная, я помню, как он у Михаила Львовича воздевал руки к потолку посреди залы и падал на колени, мне это тогда еще казалось подозрительным.

Насчет духовенства пишешь правду, что оно у нас плохо поставлено в России и интеллигенция его в грош не ставит; но оно само в этом виновато, это произошло не вследствие каких-либо гонений на него, а вследствие его невежества, его вражды к образованию, его стремления к тупости и суевериям. У католиков и протестантов духовенство само завоевало себе первенствующее положение среди общества тем, что взяло в руки образование, само занимаясь науками, а наши духовные всегда враждебно относились к наукам и образованию, стремясь держать народ в темноте и предрассудках. Просмотри русскую историю, ты увидишь, что наше духовенство по тупоумию своему всегда противилось всяким благотворным реформам, вспомни, сколько оно оказывало сопротивления Петру I-му в его деятельности. Русское духовенство, к сожалению, есть язва России, тормоз к движению вперед, задержка к цивилизации. Пишешь, что они голоса не имеют и их не слушают, а дворяне ими помыкают. Но подумай, какой ужас был бы, если б их слушали, ведь они, кроме чуши, ничего и не говорят, им желателен обскурантизм, послушай их, они жаждут гонений; по-ихнему всех иноверцев, раскольников, молокан надо вешать, гнать, ссылать; ведь они теперь как бесноватые по всей России кричат: убить Толстого, заточить, сослать; того не понимая, что *Толстой слава России*. Дворяне ими помыкали и помыкают, ибо всегда видели их коснение в невежестве. Пусть они перестанут враждовать против наук, образуются, бросят нелепую латынь, цицероновщину, займутся истинными науками, тогда их будут уважать и будут им верить. Вспомни, что при Александре II-м ведь это духовенство настаивало на введении дурацкого классицизма в гимназиях по мысли зловредного Каткова; благодарение Божие, теперь принимаются за ум, классицизм дурацкий, притупляющий все способности ума, изгоняют, но и против этого духовенство вопит, им хочется, чтобы молодежь по-прежнему задалбливали латынью. Я глубоко скорблю, видя, как наше духовенство низко стоит, но вижу, что оно само в том виновато; пусть образуется, и тогда ему будут верить и слушать его, а пока оно в лице своих пастырей только расточает проклятия молодежи, оно лишь себя срывает <...>

¹ Книга о. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе» вышла в 1884 г., затем было несколько переизданий.

9

13 (26) сентября 1901 г. Афон

<...> О Толстом ты напрасно не хочешь больше писать, о нем стоит поразмыслить, ибо современные обскуранты к нему очень несправедливы; он хотя и заблуждается, но честно, откровенно заблуждается и без всякой ненависти к людям, а про его противников уж никак этого сказать нельзя, от них так и пышет злобой. Его нельзя не почитать за необычайный талант и поразительный здравый смысл, а противники его очень и очень хромают как в логике, так и в способах изложения. Я за это последнее время много читал критик на него, писанных духовными людьми. Боже, какие глупости они плетут, просто читать тошно; и какие они все неучи, наши богословы, теологи! Самых элементарных вещей не знают, а как превозносятся!! Превозношение в невежественных людях — самая противная черта; они все хотят разрешить, все им кажется ясным, а в сущности, ничего не понимают, судят по шаблону, сами не зная, на чем основываются. До того противно читать рассуждения современных проповедников, что я после каждого такого чтения страдаю сердцебиением. Самое чудное то, что эти люди даже истории Церкви не знают, уж не говоря о прочем. Вот из их числа и Иван Кронштадтский, иной раз такую чушь сморозит, что просто диву даешься. И все с такой самоуверенностью, будто святую правду возвещает, Божественные вдохновения сообщает. Прости, что так говорю, от чистого сердца говорю, — мне всякая ложь и лицемерие ужасно противны. Оттого я в прошлом письме российское духовенство назвал фарисеями, что ни в чем у них искренности нет, одно лицемерие и превозношение, и благодарение Божие, что у них еще власти нет, а то бы они нас всех, мыслящих людей, передушили <...>

10

8 (21) ноября 1901 г. Афон

<...> Теперь, кончив все *préambules*⁴, поговорим о серьезном, об Иване Кронштадтском, мне очень бы хотелось вселить в тебя истинную оценку ему и его деятельности, и потому по пунктам отвечу тебе на все, тобою о нем писанное, откровенно. Он человек, несомненно, вредный, и вредный именно для того народа, который по-бараньему ловит каждое его слово и считает его пророчком. Боюсь сказать, что он человек недобросовестный и лицемер. Кто его знает, но если он искренен, то, значит, очень не развит,

⁴ предисловия (*франц.*).

как ты говоришь, и фанатичен. Я об нем сужу по его проповедям, в которых нет и тени христианского чувства, а одна злоба и превозношение, он на всех и на все набрасывается с проклятиями. Вот тебе лучший пример: орловский предводитель дворянства Стахович¹ сказал превосходную речь на миссионерском собрании о том, что должно прекратить все гонения на сектантов, а стараться их добрым словом обращать в лоно Православной Церкви. Речь вполне гуманная, в духе Христова учения. И что ж? Иван Кронштадтский на него набросился с бранью и назвал его антихристом.² За что, за то, что тот хочет мира и проповедует любовь и снисхождение к заблудшему ближнему? Ведь это ужасно, хорош пастырь церкви! Хорош священник народный! Стоит за гонения и насилия, не возмутительно ли это? Можно ли его после этого почитать? Говоришь, что он поднял веру в народе. Это великое заблуждение, он ничего не поднял, а стал кумиром народным потому, что наш народ чересчур легковерен, без меры доверчив и суеверен. Нужно верить в Бога, а не в тварь, не в человека. Господь Иисус Христос требует веры сознательной, наш народ за малыми исключениями ее не имеет, он погружен в тьму суеверия, Иван Кронштадтский *сознательно или бессознательно* воспользовался этим народным тщeverием, суебожностью и стал лжесвятым и лжепророком. Это ужасно! Это великий соблазн. Я читаю с большим вниманием все его проповеди и ужасаюсь его сомнением и тщеславием. Он держит народ во тьме, и это очень прискорбно. Ты сама сознаешься, что он и не развит, и груб, и не умен. Какие же видишь после этого в нем достоинства? Первое, что требуется от христианина, от духовного в особенности, — это смирение и незлобие. И у него их-то именно и нет. Он весь погружен в самомнение и только и делает, что расточает проклятия. То на Толстого, теперь уже на Стаховича, то есть на всякого, кто не мыслит как он. Про Толстого еще он мог сказать, что тот враждует против Церкви, ну, а Стахович-то? Ведь он ревностный сын Церкви. Признаюсь, мне очень несимпатичен ваш кумир Иван Кронштадтский, он ярый обскурант, гасильник и имеет самое вредное, пагубное влияние на народ, отклоняя его от рассудочной веры и привязывая к суевериям и *нетерпимости религиозной*. Ты пишешь, что народ наш недоверчив, но это ошибочный взгляд, народ недоверчив только к нам, образованным людям, к науке, которой он не понимает, но он чересчур доверчив к своему брату мужику, рассказывающему ему нелепые сказки и легенды, очень может быть, что большая доля успеха и популярности Ивана в том-то и заключается, что он так же туп и суеверен, как наши бессмысленные ханжи; его любят те, которые его не знают, которые ни проповедей его не слышали, ни поучений не читали, да и не в силах понять, его любят разные кумушки и Титы Титычи,³ потому что слышали от других, что он творит чудеса, et cela impose⁶. Ты говоришь, что на него не надо смотреть как на святого; но как же на него смотреть, когда газеты то и дело пове-

⁶ и это обязывает (*франц.*).

ствуют о творимых им чудесах! И повествуют об них, очевидно, с его согласия. Если не хочешь, чтоб на тебя смотрели как на чудотворца, так не тычь всем в нос свои чудотворения, не разъезжай по России для якобы исцеления болящих. А уж если хочешь чудеса делать и блаженным святым числиться, выкинь из сердца злобу, подражай Христу в кротости и милосердии, если хочешь его именем исцелять болезни, не проклинай людей, если хочешь быть добрым пастырем!

Это обманчивое солнышко необходимо должно отнять у народа, ибо оно заслоняет ему истинный свет Божий. Он взял на себя роль проповедника, но проповедует не Христово учение, полное любви и всепрощения, а какое-то свое, наполненное самым узким и тупым фанатизмом вместе с дикою религиозною нетерпимостью. У Ивана Кронштадтского на языке Христос, а в душе ненависть ко всему мыслящему, ко всей учащейся молодежи. Отчего он не вспомнит слова Христа: если хочешь быть совершен, продай имение и раздай нищим.⁴ К чему ему все эти дареные шелковые рясы, к чему ему яхта, к чему шубы собольи, хочешь служить Богу, отрешись от всего этого, роскошь неугодна Богу, хотя бы и дареная <...>

Если мы хотим доказать людям, что наша Церковь святее и правее прочих, то должны по Духу Христову жить и поучать, а не лаять на всех не согласных с нами. Иван Кронштадтский так любит поклонение, так привык, чтоб ему воскуривали фимиам, что злится и клянет всю учащуюся молодежь за то, что она не верит в его дар пророчества; так ни Христос, ни апостолы не делали. Смешно вспомнить, что, когда портрет Толстого в Петербурге украсили цветами из уважения к литературным <заслугам: — очевидно, пропуцено> его, Иван Кронштадтский рассвирепел и принялся проклинать этих людей, воздающих должное великому писателю.⁵ Ведь это все показывает нам мелочность и ничтожество природы этого якобы чудотворца. Конечно, Толстой во многом заблуждается, но все-таки он великий писатель и литературная слава России. Этого нельзя у него отнять, как Иван ни беснуйся!

Ты понимаешь, что ведь я ничего личного против Ивана Кронштадтского иметь не могу, но мне больно видеть, что столькие им обольщаются, и его пустые разлагольствования принимают за святые речи. Нам надо любить врагов, вразумлять заблудших, а не отталкивать от себя колеблющихся своею нетерпимостью. Надо всегда помнить заповедь Божию — «Не сотвори себе кумира, ни всякое подобие ему».⁶ Иван Кронштадтский есть современный кумир темной публики, и в этом великое зло.⁷

Если сможешь где-нибудь достать новое сочинение Толстого «Моя последняя исповедь»,⁸ ради Бога, пришли мне прочесть <...>

¹ Стахович М. А. — орловский губернский предводитель дворянства, выступивший в сентябре 1901 г. на местном миссионерском съезде с речью о необходимости свободы совести, вызвавшей ожесточенную полемику. Его речь послужила для Толстого толчком к началу работы 28 декабря 1901 г. над статьей «О веротерпимости».

² Имеется в виду проповедь «Свобода совести ведет к жизни без совести. Поучение, произнесенное в церкви при лечебнице Лепехина в Москве» (1901). См.: *Сергиев И. И. (Кронштадтский), протоиерей. Против графа Л. Н. Толстого...* С. 57—59.

³ Тит Титыч Брусков — герой комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье».

⁴ «Рече ему Иисус: аще хошеши совершен быти. иди, продаждь имене твое и даждь нищим...» («Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имене твое и раздай нищим...») (Мф 19, 21).

⁵ См. прим. 5 к письму 3, а также преамбулу к публикации писем.

⁶ «Не сотвори себе кумира» («Не делай себе кумира») (Исх 20, 4).

⁷ В. В. Розанов приводит слова Толстого об обожествлении о. Иоанна Кронштадтского: «„Они когда-нибудь *сведят* этого своего живого бога“, — сказал желчно Толстой по поводу случая, когда одна женщина укусила палец у „батьюшки“, чтобы «причаститься его „тела и крови“, о чем одно время писали газеты» (*Розанов В. В. Из воспоминаний и мыслей об Иоанне Кронштадтском // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 538—539 (Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николюкина).*)

⁸ Имеется в виду публикация: *Толстой Л. Н. Ответ на постановление Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма // Миссионерское обозрение. 1901. № 6. С. 806—814. Опубликовано в разделе «Новая исповедь графа Л. Н. Толстого».*

11

1 (14) декабря 1901 г. Афон

Большую имел радость получить с этим пароходом от тебя два длинных письма и постараюсь тебе на них ответить, сколько в силах буду, начну с конца, с Толстого, потому что *cela me tiens plus à coeur qu'autre chose*.^а Я не читал его последней исповеди, ни ответов на нее, у нас не получают «Миссионерское обозрение»; пришли мне, будь так добра, этот журнал за июнь месяц, у нас все сколько-нибудь интеллигентные монахи жаждут сведений о Толстом; ради Бога, не забудь прислать. Хоть ты иначе думаешь о нем, чем я, но это несколько меня не удивляет и не может изменить моего доброго мнения о тебе. Ведь ты знаешь Толстого только по тому, что он пишет, а в последнее время он пишет под гнетом раздражения, он и половины того не думает, что объявляет. *Il fait le méchant paraître*.^б В сущности, он совсем не такой и вовсе не богоотступник, он любит Христа, я это верно знаю, а не любит лишь духовенство. Моя точка зрения потому не сходится с вашей общей, что вы знаете Толстого лишь как писателя, а я знаю его как человека. Могу ли я поверить, что этот милый старичок, который сам стелит постели своим гостям, так добродушно улыбается, сидя за самоваром, так деликатно подшучивает над вновь приезжим, не привыкшим еще к его странностям, могу ли я поверить, чтоб он был антихрист, вероотступник и пр<очее>. Он, с такою любовью и участием относящийся к последнему бедняку, может ли быть худым человеком? Спроси мужиков его уезда, ведь они все на него молятся, никто от него не уйдет не утешенным, никому он не отказывает в помощи. А его беседы, ведь

^а это меня беспокоит больше, чем все остальное (*франц.*).

^б Он изображает злого (*франц.*).

это нечто столь своеобразное и интересное, что я бы и сейчас согласился поступить к нему чернорабочим (коли б был в силах), чтобы слушать его рассказы про Кавказ, Севастополь и его суждения о нравственных вопросах.

Толстой называет наше богослужение колдовством, потому что оно на самом деле бывает похоже на колдовство иногда, а это прискорбно, следует упростить церемоньял богослужения, уподобив его тому, каково оно было во времена первых христиан. Теперь вложили много ненужного, излишнего в церковнослужение: продолжительные каждения, мазанье маслом, кропление водой, беспрестанное целованье пыльных икон, — все это не может не шокировать людей, подобных Толстому, людей, в коих преобладает дух над формой <...> Я нисколько не боюсь (как члены Российского Синода), чтобы Толстой подорвал православную веру, ибо я знаю, что ее подорвать нельзя, я вполне покоен, что слова Христа незыблемы и врата адовы не одолеют Его учение;¹ а потому и не могу, подобно некоторым малодушным, считать Толстого опасным для веры. Христос основал свою Церковь прочно, кто бы против нее ни восставал, ничего не поделает, это все равно, коли б муравей захотел свалить кремлевскую стену. Опрокинуть учение Христа нельзя, а исправить многие заблуждения, в кои впали современные церковнослужители, можно и следует, а для этого надо обличать. Толстой, правда, переваливает через край, не все, им указываемое, должно принимать к сведению, а с разбором. Если относиться к обличениям Толстого критически, бесстрашно и беззлобно, то найдем у него много указаний ценных. Ты пишешь, что он задевает, что всего важнее, и указываешь на таинства. Если ты подразумеваешь внутренний смысл таинства, то я с тобой согласен, если же внешнюю форму, то отвечу, что она вовсе не особенно важна. Самое важное в нашей религии — это то, что таковым назвал Христос, именно любовь к Богу и любовь к ближнему, на этом зиждется весь закон, вся вера наша; только возлюби Бога всей душой и ближнего как себя,² и главное исполнено, прочее все второстепенно <...>

¹ «И на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея» («И на сем камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее») (Мф 16, 18).

² «Иисус же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею: сия есть первая и большая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко сам себе» («Иисус сказал ему: „возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим“: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: „возлюби ближнего твоего, как самого себя“») (Мф 22, 37—39).

2 (15) декабря 1901 г. Афон

<...> А теперь pour la bonne bouche^a возвращаюсь к животрепещущему вопросу христианской несостоятельности нашего духовенства и главного представителя его Ивана Крон<штадтского>. Ты пишешь, что наши духовные без злобы относятся к Толстому, из прилагаемого образчика увидишь, что не только к Толстому, а даже к такому ревностному сыну Церкви Стаховичу и то с безумной ненавистью относятся и ругают его без удержу за то лишь, что он посоветовал не преследовать сектантов и стараться их обращать в Православие лишь добрым словом и убеждением. Прочти с вниманием посылаемую тебе речь Ивана Крон<штадтского>¹ и обрати тоже внимание на мои заметки к ней.

(1) Что общего между Толстым и Стаховичем? И почему он самозванный проповедник, разве не был он приглашен на съезд самим владыкой? Чем он хулил веру?²

(2) Как может быть совесть грешная, когда это дар Божий, данный нам для предостережения от зла? Совесть может человек временно заглушать, но никак не растлевать... Иуда на что был великий грешник, а и в нем совесть заговорила, и заговорила правильно, упрекнув его в злодействе, и кабы он ее послушался, покаялся бы, мог бы спастись.³

(3) Как же это, оттого, что нонче Стахович заговорил, люди стали жить без совести! Что же, или они заранее предчувствовали, что Стахович будет говорить! Не чушь ли это!⁴

(4) При чем же тут свобода совести? Убийства, поджоги, бунты были всегда, речь же Стаховича появилась только вчера.⁵

(5) Как премудрость Божия может быть поругаема? И чем Стахович ее поругал?⁶

Просто страшно делается читать столько злобы и ненависти в словах пастыря Церкви! Ты жалеешь Толстого, и я тоже жалею его за его заблуждения, но я еще более начинаю жалеть Ивана Крон<штадтского>, видя, как этот странный иерей всю силу ума своего употребляет на злословие, потеряв даже всякую меру и логику в словах. Бедный Иван Кронштадтский! Бедный народ русский, сделавший из него себе кумира!! Как бы ни заблуждался Толстой, он мирянин, ему не придется давать такой строгий ответ в делах, как иерею, служителю алтаря, да еще почитаемому за пророка. Мы, люди духовные, за каждое легкомысленное слово сугубый ответ воздадим Богу, нам вдвое против мирян должно быть осмотрительными и никак не давать страстям обуревать наши души. Что сделал Стахович Ивану Крон<штадтскому>, я недоумеваю. Напиши, пожалуйста, что об этом думаешь. Не беда, что наши мысли иногда расходятся: «du choc des opinions jaillit la lumière»⁶.

¹ См. письмо 10, прим. 1, 2.

^a на закуску (франц.).

² Ср.: «Но в наше лукавое время появились хулители святой Церкви как граф Толстой и в недавние дни некто Стахович, которые дерзнули явно поносить учение нашей св. веры и нашей Церкви, требуя свободного перехода от нашей веры и Церкви в какие угодно веры» (*Сергиев И. И. (Крошадтский), протоиерей*. Свобода совести ведет к жизни без совести... С. 59).

³ Ср.: «Нет, невозможно предоставить человека собственной свободе совести, потому именно, что он существо падшее, растленное, и у человека страстного и совесть грешная, и свобода растленная, а у иного и совсем сожженная» (Там же).

⁴ Ср.: «Благодаря проповедуемой ныне Стаховичами свободе совести многие, многие стали совсем жить без совести...» (Там же).

⁵ Ср.: «Вообще жизнь утратила у многих христианский характер и стала хуже языческой — отсюда происходят убийства, самоубийства, частые поджоги; отсюда неповиновение детей родителям, юных — старшим, подчиненных — начальству, выходит все наизнанку» (Там же).

⁶ Ср.: «Итак, премудрость Божия оправдана всеми чадами ее, а неверными и отступниками она всегда была поругаема, как и ныне от Льва Толстого и Стаховича» (Там же).

13

7 (20) декабря 1901 г. Афон

<...> В последнем письме я тебе забыл упомянуть об одной неоцененной услуге, которую Толстой принес побораемой им православной вере. Он в своих сочинениях особенно возмущался против кощунственной молитвы о покорении к подножию ног всякого врага и супостата, резонно объясняя, что по учению Христа нам надо любить врагов, а не покорять!¹ И что ж? Я начал сверяться с подлинником литургии Иоанна Златоуста, и оказалось, что этих слов там нет, они, стало быть, были прибавлены в последующие времена. Таким образом, толкования Толстого способствуют к проверке и восстановлению древнего истинного текста молитв, а ты знаешь, как это важно: постановления вселенских соборов грозят анафемой всякому церковнослужителю, прибавляющему хоть единое слово к православной литургии. Дай Бог, чтоб, наконец, взялись за ум и очистили бы наше церковнослужение ото всего наносного, постороннего, затемняющего смысл наших умильтельных молитв <...>

¹ В молитвенном прошении ектинии о царской фамилии и об императоре Николае II содержатся следующие слова: «Еще молимся о благочестивейшем, самодержавнейшем, великом государе нашем императоре Николае Александровиче всея России, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении его, и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити ему во всех, и покорити под нозе его всякого врага и супостата» (Служебник. М., 1900). Эти прошения читались несколько раз во время вечерни, утрени и литургии. Тексты ектинии менялись соответственно времени и, конечно, не принадлежат Иоанну Златоусту. В современных Служебниках этих прошений нет. В своей «Исповеди» Л. Н. Толстой следующим образом объяснял неприятие этого прошения: «Мне так необходимо было тогда верить, чтобы жить, что я бессознательно скрывал от себя противоречия и неясности вероучения. Но это осмысливание обрядов имело предел. Если ектения всё яснее становилась для меня в главных своих словах, если я объяснял себе кое-как слова: „Пресвятую владычицу нашу Богородицу и всех святых помянувшие, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим“, — если я объяснял часто повторение молитв о царе и его родных тем, что они

более подлежат искушению, чем другие, и потому более требуют молитв, то молитвы о покорении под ножи врага и супостата, если я их объяснял тем, что враг есть зло, — молитвы эти и другие, как херувимская и всё таинство проскомидии или „взбранной воеводе“ и т. п., почти две трети всех служб или вовсе не имели объяснений, или я чувствовал, что я, подводя им объяснения, лгу и тем совсем разрушаю свое отношение к Богу, теряя совершенно всякую возможность веры» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1957. Т. 23. С. 50*).